

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ И КИБЕРПРОСТРАНСТВА

DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-3-152-166

ДЕКОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА: СМЕРТЬ ТЕКСТА

А.К. Мамедов, докт. социол. наук, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Отталкиваясь от понимания “смерти” текста как процесса его деконструкции, дробления, упрощения, когда текст вместо сообщения становится сигналом, ниже будут рассмотрены и более современные трансформации его роли и системной организации, приводящие к символической “смерти” через усложнение и переход в гипертекст. Причины преобразования текста сообщения в нарратив и в участника интертекстуальных отношений. Окончательный уход в прагматический аспект информационного обмена в различных сферах (межличностная коммуникация, реклама, журналистика, дидактика). Без смерти, ритуализированного акта, при доминировании сетевых форм коммуникации невозможно его включение в пространство сетевого контента. Теперь после публикации текста, у него есть по большому счету всего два пути: либо он интерпретируется и ретранслируется в таком виде, что неизбежно ведет к инфляции содержания, либо архивируется, что равносильно “похоронам”. В любом из вариантов это “смерть” изначального авторского текста, судьбу которого мы рассматриваем.

Говоря о “смерти текста”, мы имеем ввиду трансформацию той самой общей концепции (коммуникативного намерения), определяющую функциональность современной текстовой деятельности. Ведущими характеристиками актуальной информации, как единицы коммуникации становится ее триггерный (побуждающий) потенциал и способность выступать сетевым контентом (ликвидность). Признаки, характеризующие текст в традиционном понимании: связность, целостность, т.е. способность демонстрировать качества “системы”, постепенно утрачивают значение в социальной практике.

Ключевые слова: текст, сообщение, гипертекст, интертекстуальность, прагматика, сетевые коммуникации, информация, деконструкция, сетевой текст, текстовая деятельность.

* Мамедов Агамали Куламович, e-mail: akmnauka@yandex.ru

DECONSTRUCTION OF CULTURAL SPACE: DEATH OF THE TEXT

Mamedov Agamali K., Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: akmnauka@yandex.ru

Starting from the understanding of the “death” of the text as a process of its deconstruction, fragmentation, simplification, when the text becomes a signal instead of a message, we will also consider more modern transformations of its role and system organization, leading to symbolic “death” through complication and transition to hypertext. The reasons for converting the text of a message into a narrative and into a participant in intertextual relations. The final departure to the pragmatic aspect of information exchange in various fields (interpersonal communication, advertising, journalism, didactics). Without death, a ritualized act, with the dominance of network forms of communication, its inclusion in the space of network content is impossible. Now, after the publication of the text, it has by and large only two ways: either it is interpreted and retransmitted in such a way that inevitably leads to the inflation of the content, or it is archived, which is equivalent to a “funeral”. In any of the variants, this is the “death” of the original author’s text, the fate of which we are considering.

Speaking of the “death of the text”, we mean the transformation of the very general concept (communicative intention) that defines the functionality of modern textual activity. The leading characteristics of relevant information as a unit of communication are its trigger (motivating) potential and the ability to act as network content (liquidity). The features that characterize the text in the traditional sense: coherence, integrity, i.e. the ability to demonstrate the qualities of the “system”, gradually lose their significance in social practice.

Key words: text, message, hypertext, intertextuality, pragmatics, network communications, information, deconstruction, network text, text activity.

Стремительно нахлынувшая и в какой-то степени “непрочитанная” эра “информационного общества” бросила вызов наследию цивилизации: практике взаимодействия с окружающим миром, личной идентичности, культурному наследию, кодам ее освоения. “Шок будущего” не только наступил, но и отчасти был пережит, оставив одной из своих проблем “смерть текста”, символически обозначенного краха способа передачи опыта в культурной и социальной традиции. Констатация положения, что человек сам в своем слове конструирует свой мир и себя, с необходимостью подводит нас к вопросу о правилах и границах конструирования реальности. В коммуникативной креации реальность претерпевает различные метаморфозы, она многослойна и дискретна, прошлое и будущее наслаиваются друг на друга, создавая чудные и метафоричные конструкты. (Пруст — сегодня это завтра вчера или вчера завтра.) Текст как скрипач Шагала предлагает совершить путешествие в полифоничные виртуальные миры, где предлагаются не история как устоявшаяся данность, а

фантазийные истории, какими они видятся автору. Таким образом, единого текста, как в Средневековом дискурсе, нет. Предъявляется многослойность текста, “живущего” в своей системе координат. Порождается множественность истин, текст отходит от реальности, но он (текст) и его фантазии тоже порождены действительностью, а значит они истинны¹. Остаются только слова, они реальнее реальности (П. Ватцлавик). Остаются слова, образ, коррелят, ибо текст высказан, опубликован, а реальность есть миг бытия, она мимикрирует. Посему вопросы феноменологии текста крайне актуальны.

Сразу отметим, что это не проблема только лишь лингвистики или коммуникации. Она носит общенаучный характер, поскольку затрагивает сферу накопления и передачи знаний в масштабах всего общества — тех специфических навыков, благодаря которым человечество принципиально выделилось из биологической среды как существо, способное к построению изменчивых и совершенствующихся социальных структур. Задача научного анализа институционализации изменений в отношении текстовой деятельности как способа фиксации и передачи социального опыта, актуальна, как никогда прежде. Особую актуальность проблема деконструкции текста имеет в социологии, ибо фреймирование социального поля и детерминантов этого процесса определяет и актуализирует тренды социального развития. Именно в данном ракурсе и определено проблемное поле данной статьи. С позиции теории социальной коммуникации деятельность по воспроизводству текстов рассматривается как ключевой социокультурный механизм включения сознания в социальное сотворчество. В рамках социолингвистики текст как единица социокультурной коммуникации, представляет собой особым образом организованную содержательно-смысловую целостность. Российский исследователь Т.М. Дридзе предлагает следующее определение текста: (это) “система коммуникативно-познавательных элементов, функционально объединенных в единую замкнутую иерархическую содержательно-смысловую структуру (иерархию коммуникативно-познавательных программ) общей концепцией или замыслом (коммуникативным намерением)”². Положим это определение опорным в рамках проводимого в данной статье анализа, поскольку оно отвечает целям функционально-коммуникативного подхода, с позиций которого мы проводим рассмотрение.

Говоря о “смерти текста”, мы имеем ввиду трансформацию той самой общей концепции (коммуникативного намерения), определяю-

¹ *Korkiya E.D., Mamedov A.K., Vasiliev A.V. The problem of truth in social knowledge: the modern discourse // EurAsian Journal of BioSciences. 2020. Т. 14. № 2. Р. 5106.*

² *Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980. С. 49.*

щей функциональность современной текстовой деятельности. Ведущими характеристиками информации, как единицы коммуникации становится триггерный (побуждающий) потенциал и способность выступать сетевым контентом (ликвидность). Признаки, характеризующие текст в традиционном понимании: связность, целостность, т.е. способность демонстрировать качества “системы”, постепенно утрачивают значение в социальной практике.

В философском аспекте проблематика трансформации метода развития и сохранения знания была обозначена через проблему научно-методологической мысли в XXI в. Если даже для философов-постмодернистов суть философской деятельности заключалась в сотворении новых концептов и производстве текстов, то ныне на повестке дня: “Изречь истину не обязательно; играть в нее на публике — вот цель философа. Современная философия не просвещает, а эпатирует. Игра ума, деконструкция сложившихся представлений дает философу символический капитал — известность. Последняя чаще достигается профессиональным артистизмом, основанным на навыке интертекстуальности (важнейший козырь постмодернизма). Интертекстуальность и означает виртуозную демонстрацию собственной игры в среде философов-профессионалов. В этой игре можно обойтись без настоящего философствования (а настоящий философ не обращается к уже готовой философии, он создает свою собственную), его заменяет доведенная до совершенства техника комментирования”³.

К характеристикам современной текстовой деятельности можно отнести: стремление (даже среди добросовестных ученых) к эпатажу ради достижения известности; стремление к интертекстуальности ради повышения персонального статуса; стремления к комментированию, вместо создания собственного оригинального текста.

1. Эпатаж. Признаки: намерение противопоставить себя общественным нормам (оппозиция без программы), манифестация себя, громкие заявления, демонстративный образ. Подразумевает воздействие не посредством качественной информации, оформленной в текст, а стремление повлиять на чувства любыми средствами.

2. Гипертекст — интертекстуальность. Это утрата текста: его больше нет или он недостаточен для коммуникативного повода. Свидетельство вырождения внутреннего содержания, субстантивного компонента, значимости для адресата. Гипертекст представляет собой попытку сохранить тематическое направление исходного сообщения, воздействуя на восприятие через дополнительные каналы. Интер-

³ Семенков В., Исаков А. Философское творчество: между Сциллой традиции и Харибдой авангарда // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 47–53.

текстуальность это процесс коллективной текстовой деятельности, в редчайших случаях имеющий возможность представить конечный продукт в виде текста. Это определение указывает лишь на процесс бесконечного незавершения порождаемого текста и бесконечной его реатрибуции.

3. Комментарии. Оценка и интерпретации информационного повода, как признание того, что у комментатора авторского текста нет и не будет. Символическое убийство в себе автора. Принятие на себя вспомогательной роли в конструировании цепочки инфообмена, т.е. уход от результата ради самого процесса порождения нарратива.

Указанные характеристики свидетельствуют о трансформации прежнего способа ретрансляции широкой публике научного знания, — привычного способа передачи нейтральных, не окрашенных эмоционально и отчужденных интеллектуально от персонального авторства конгломератов информации — такими характеристиками должны были обладать верифицированные примеры научных текстов.

Надо заметить, что признаки смещения акцентов современной текстовой деятельности в поле прагматической коммуникации, осознанное в научной среде в XX в., появились еще до интернета. То обстоятельство, что современное гуманитарное наукотворчество переходит в поле прагматической коммуникации, где наиболее ценным навыком оказывается способность продемонстрировать личный статус, персональный образовательный уровень, ведя “терминологические игры”, признается его акторами. Но оно не оказывается одиноко, поскольку в той или иной мере следует более общей модели современной сетевой коммуникации.

Три очевидные характеристики настоящего жалкого бытия текста и в то же время, свидетельства его смерти, поскольку уводят от продуктивной текстовой деятельности. Все это предпочтенное наполнение человеческой жизни, свидетельство той самой “лени” ума, которая “двигает” технологический прогресс. Характеристики человека настоящего и, вероятно, ближнего будущего. Этот процесс не внезапен, он начался с модерна, поскольку классики не оставили после себя достойных учеников.

Следует заметить, что ко времени массового распространения сетевых коммуникаций в коммуникативистике уже произошел переход от понимания коммуникативного акта как передачи сигнала к рассмотрению его как взаимодействия коммуникатора и коммуниканта, как форме построения информационно заданной реальности. Сетевая коммуникация обладает особенностями, из которых, самой примечательной можно признать способ ее существования во време-

ни. Единожды возникнув, сетевой контент не исчезнет сам по себе. Затихшая дискуссия может возобновиться с новой силой спустя годы, при этом и старые, и новые топики будут рассматриваться как единое информационное пространство. Эта особенность позволяет определить сетевую коммуникацию как самоподдерживающуюся, единственной преградой для которой может стать лишь цензура — пре- и постмодерация в интересах гипотетического администратора. Указанная особенность сетевой коммуникации становится следствием принципа устройства ее модели: “**все** (говорят) **для всех** (которые отвечают)”. Особенная связь с текстом данной коммуникационной модели реализуется собственным специфическим образом. Каждый современный “релизер”⁴ предлагает текст, который развивается и дополняется посредством комментариев, но в значительно большей степени **оценивается**⁵ коммуникативным сообществом. Таким образом, сетевая коммуникация как текстовая деятельность направлена не столько на выработку коллективного мнения (на рождение “идеального” текста), сколько на сортировку текстов и их оценку, а также ранжирование их релизеров — построение иерархии новой информационной среды общества. При этом наблюдается снижение требований к уровню текстов при росте уровня конкуренции за внимание сетевых пользователей. Так, междометие, смайл, лайк считаются приемлемым “текстом” в качестве реакции.

Если традиционно коммуникации были направлены на преодоление информационного дефицита, то теперь они существуют уже в условиях информационного переизобилия. Успешность в сетевой коммуникации (выражение мнения, распространение событийной информации и т.п.) обеспечивается соответствием критериям привлекательности для ее присвоения путем комментария или иного действия (побуждать перейти по ссылке, подписаться на обновления,

⁴ Релизер — “частный случай пускового стимула определенного поведения особи, а именно стимул, демонстрируемый одной особью и вызывающий определенные инстинктом поведенческие реакции у другой особи. Термин предложен этологом К. Лоренцом. Происходит от английского *releaser* (освободитель, избавитель, выпускатель)” (Психологический словарь сайта azps.ru. URL: <http://azps.ru/handbook/cmmn/releaser.html> (дата обращения: 15.02.21)).

⁵ Лайки, репосты, подписки и пр. — “кликтивизм” — “грубое название процесса активности в интернете, требующего от пользователей какого-либо действия, иногда «бездумного» (сбор подписей под петицией, флешмоб, репосты). При этом речь идет только об онлайн-инициативах, т.е. участие пользователей в решении какой-либо проблемы ограничивается лишь «кликом» в поддержку/протест реальных действий” (Голикова Т.А. Основные тенденции формирования современной русской политической картины мира // Международный научный журнал “Язык и текст”. 2019. Т. 6. № 3).

т.е. добавить информацию в свое медийное пространство). Кроме того, информационный посыл должен обладать качествами триггера немедленной реализации этой причастности (поставить “лайк” или “поделиться”, добавиться в друзья, репостить ссылку, например, вставить ее в свой блог или “на стену” в личный аккаунт).

Интересно, как реализуется в этой связи проблема избирательности восприятия. Как отмечается, НТР “...привела к появлению беспредметной, знаковой, экранной среды”⁶. И без того ограниченный своими органами чувств, охватывающими лишь фрагменты реальности, человек в своей производственной, художественной, досуговой деятельности все больше привязывается к ограничению техническими устройствами, “очерчивающими” объект восприятия, создавая при этом иллюзию полноты и объективности репрезентации. И социальная, и культурная депривация не только и не столько преодолеваются, сколько воспроизводятся в новой технологической среде, а избирательность интереса становится предметом коммерческого использования.

Что же касается описаний современности, как среды трансформации атрибуции текста, то в этом вопросе значительно продвинулась политическая коммуникация. Впрочем, здесь нас будет интересовать не столько бытие самого текста (поскольку здесь будет невозможно отрешиться от анализа как конкретного текста, акторов коммуникации, так и от политической реальности), сколько дискурсы, как среды, его содержащие. Так, авторитарный дискурс — (примером может служить империя) фокусирует минимальный объем источника дискурса (возможно один человек), и имеет максимальную общественную значимость. Медиа-дискурс характеризует малая группа выработки мнения, — большой общественной значимости (например, политика в 1990-е, когда вся страна с волнением наблюдала за трансляциями заседаний Верховного Совета). Современный же, сетевой дискурс показывает, что лишь при росте объема вовлеченных участников связано растет его значимость. А поскольку каждым событием вовлечения участника является реализация его личной причастности, присвоения права на интерпретацию текста возникает естественная полигональность как кризис атрибуции. И этот кризис тем сильнее, чем более значимым является тема.

Вопрос атрибуции текста неизбежно должен включать и проблему плагиата. Однако полноценное рассмотрение этого вопроса

⁶ Терентьева И.Н. Сетевые коммуникации: новая реальность управления // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева “Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии”. 2016. № 4. С. 24.

может служить интеллектуальным поводом не одной монографии. Из парадоксальных переосмыслений значимости атрибуции текста в контексте проблемы плагиата рассмотрим только одну, наиболее яркую работу творческого коллектива “Critical Art Ensemble”⁷, которые провели историческое исследование роли игнорирования авторского права на культурное и эстетическое преобразование общества. Концепция инверсии “мифа плагиата” в настоящем, спустя пятнадцать лет после выхода этой провидческой работы свидетельствует о существовании в информационном пространстве вектора отказа от прагматической монетизации ради системного развития общества. По мнению авторов, плагиат способствует уравниванию культурного, эстетического и интеллектуального потенциалов общества. Разве не эти тенденции можно наблюдать в современном сетевом пространстве, посредством роста конкуренции, отказом от формальных признаков атрибуции и переоценки оснований статусов коммуникантов? При всей своей, почти социалистической прогрессивности, эта концепция также указывает на смерть формальной роли текста, как авторского продукта.

Обсуждение текста все чаще уступает обсуждению комментариев, интерпретациям. А иерархия этих интерпретаций обеспечивается сетевым статусом актора, а не авторством текста или квалификацией эксперта. Следовательно, резонанс текста все менее обеспечен содержанием, все более тем, кем и в каком направлении будет развиваться дискуссия по его поводу.

Такая полигональность картины дискурса в сетевых условиях характеризуется разнонаправленностью и сочетаемостью мнений, образующих единое “поле смысла”. Аналитический подход к изучению формы дискурса характеризуется следующими принципами: дефрагментация элементарных характеристик, рост категориальной квантификации, обобщение разнородных явлений. Если “средняя реактивность” респондентов, участников дискурса по исследуемой теме “выше нормы”, это конституирует перемены в общественном мнении, а возможно и сознании. Снижение неопределенности эффектов сетевых коммуникаций политическая лингвистика видит в когнитивной теории: “Одной из наиболее плодотворных и относительно новых исследовательских парадигм в политической лингвистике является когнитивный подход, позволяющий от описания единиц и структур дискурса перейти к моделированию структур сознания участников политической коммуникации. Моделирование когнитивной базы политического дискурса осуществляется через анализ фреймов и

⁷ Critical Art Ensemble. The Electronic Disturbance. N.Y., 1994. P. 83–84.

концептов политического дискурса, метафорических моделей и стереотипов, лежащих в основе политических предубеждений”⁸.

Существующие классификации текстовых функций сходятся в том, что текст должен запустить некую реакцию у реципиента. Эта функция получала именование “апеллятивной” еще у К. Бюлера. Впрочем, в своих исследованиях он доходит лишь до **опытного постижения** субъектом манипулятивной и речевой деятельности (он полагал, что ребенок начинает пользоваться словом бездумно, как обезьяна палкой), что вызвало критику Л.С. Выготского. Последний справедливо указывал, что существуют биологические и социальные детерминанты развития. В своей работе он не только указал на сущность природы влияния навыков на окружающий мир, но и привел принцип, заставляющий задействовать интеллект в поисках “**обходного пути**”⁹ ради достижения цели. В остальных случаях, поведение выстраивается в соответствии с усвоенными прежде нормами, опытом и биологическими пресуппозициями. Единственное, что не мог предположить Выготский, что социум, прежде служивший основной причиной организации среды человека, выводящий его за пределы биологической природы, может под влиянием экономического детерминизма, вследствие ограниченности ресурсов и эффективного господства политической воли обратить свои пресуппозиции вспять. Теперь “обходной путь” — развитие интеллектуального, креативного подхода в решении повседневных задач остается уделом немногих, массовая тенденция заключается в консолидации мнений.

Массовые коммуникации, которые реализуются в настоящем сетевым образом, имеют целью не допускать поиски обходного пути. Это легко понять и вполне можно оправдать тем, что коммуникативное пространство пресыщено акторами, а значит чрезмерно конкурентно. Данная характеристика не имеет прямого отношения к перенаселенности нашей планеты или конгломерации в областях с повышенным качеством сетевого доступа (что лишь отчасти, но также затрагивает и проблему цифрового неравенства). Данное явление еще не получило убедительной характеристики в научном дискурсе. Оно отражает массовидное сетевое явление роста конкуренции и числа источников сообщений (самого присутствия акторов) в секторах наиболее активного роста локализации зон раппорта. Эти зоны — интернет-площадки, набирающие наибольшее число фолло-

⁸ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. С.10.

⁹ Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Прimitив. Ребенок. М., 1993. С. 44–54.

веров контент-лидеров. Всем известны теги их хостингов, но мало кто задумывается, что они, по сути, являются зонами некритичного формирования мнений.

В этой связи тексту будущего отведена роль стимула — триггера, т.е. побуждения сложно организованной информации — вернуться к роли сигнала, как это рассматривалось на заре теории коммуникаций. Смерть, как трансформация роли, — текст постепенно утрачивает важнейшую, но уже архаичную — репрезентативную функцию представления реальности. **Репрезентативная** функция прежде реализовывалась в “апелляционной” через реакцию на то, о чем, по сути сообщал текст, теперь каждый ищет в нем, персональный смысл, как стимул, благодаря которому формирует свои собственные дискурсы и тематические и семантические направления комментирования. Эти изменения в функциональной структуре текста не позволяют говорить лишь об “апелляционной” или “побуждающей” функции. Поскольку функция побуждения реципиента генерализована в современном коммуникативном пространстве и определяет само право сообщения существовать, уже не просто “апеллирует” к адресату, мы предлагаем рассматривать ее как “триггерную”.

Если раньше через имманентную функцию текста мы могли вступать в резонанс (другого выбора, казалось, нет — “чужая душа — потемки”), то сейчас ввиду информационной искушенности современного индивида (как побочного эффекта информационно-коммуникационного взрыва), каждый естественно порождает свой внутренний текст. Полярные же проявления современной сетевой коммуникации характеризует два типа реакции:

1. По принципу раппорта (однозначное принятие текста, как своего, что уничтожает атрибуцию текста через институт авторства). Происходит замещение исходного оригинального текста пересказом, интерпретацией. Наиболее популярные тексты закрепляются как “мемы” — лишённые авторства эмоциональные стимулы, “отточенные” множественным употреблением.

2. По принципу эпатажа. Оттянуть на себя внимание аудитории релизёра и поднять свой статус (количество комментариев, лайков и пр.). Эпатажность, в этом ключе выступает как показатель степени свободы от заданной реальности и присвоение следствий, которые текст способен задать.

Количественный рост и усиливающее значение паралингвистических способов коммуникации, креолизованность современного текста, требует существенного переосмысления его лингвистической функции. В информационную эпоху тотальной медиатизации

и цифровизации попытки создать из реальности текст обернулись обратной стороной — текст создает реальность¹⁰. Таким образом, оценка трансформации текста, организующей и определяющей новую коммуникационную среду, становится продолжением философского осмысления онтологии и метафизики бытия социума как элемента развивающегося цифрового пространства¹¹. Исследования Джеффа Буше (Geoff Boucher)¹² показывают, что дискурс, возникающий в результате отражения естественной социальной практики, представляет “синхроническую” структуру, то есть является подлинным отображением ее состояния в коммуникативной сфере. Дискурс же, рождающийся в результате действия “социальных агентов”, т.е. неких лидеров мнений, определенных “политическим стечением обстоятельств”, является результатом “непоследовательной практики” и “успешной артикуляции”. Этот дискурс автор называет “диахроническим”, т.е. историческим, — тем, который имеет временную протяженность, поскольку не отражает существующую социальную реальность, а активно воздействует на нее с непредсказуемыми из настоящего последствиями. Кроме синхронической и диахронической структур, автор, ссылаясь на работы Э. Гидденса и К. Леледакиса, предлагает учесть концепцию “измененной структуры”, указывающей на отсутствие эквивалентности происходящих структурных перемен в идеологически мотивированных дискурсах. Таким образом, следует признать первичность текстовой деятельности в построении образа реальности по сравнению с ее непосредственным естественным отражением в сознании, в особенности в обстоятельствах, когда этот образ рассматривается как обусловленный временной протяженностью.

Отказ от традиционной текстовой деятельности связан с каждой из выделяемых функциональных характеристик текста:

1. Недостаточность его как средства репрезентации реальности. Отсюда направление развития на гипертекст, позволяющий связывать между собой тексты независимо от их филогенетической основы. Отсюда феномен популярности Big data, как стремление работать с информационными базами, обладающими повышенной репрезентативностью по сравнению почти с любым текстом.

¹⁰ При том, максимально простой текст (бинарный) создает максимально сложную реальность (виртуальную). Триггером виртуальности является простейшая последовательность единиц и нулей.

¹¹ Подробнее мы рассматривали это в статье: *Мамедов А.К., Писарева Л.К. Метаморфозы цифрового общества: трудности роста и риски // Социология. 2020. № 3.*

¹² *Boucher G. The charmed circle of ideology: a critique of Laclau and Mouffe, Butler and Žižek. N.Y., 2009. P. 98–99.*

2. Уход в прагматичность. Собственно столетняя история этого ухода¹³, вероятно, и привела к возникновению сетевой коммуникации. Как П. Вацлавик выявляет природу инаковости шизофреника, как стремление не общаться¹⁴, так стремление общаться, которое отражает нормативное поведение, видимо, может быть удовлетворено в полном объеме только сетевыми коммуникациями. Вдохновлявший его Л. Витгенштейн говорит: “Я знаю, что слово означает в определенных контекстах”¹⁵. Но что за контексты определяют восприятие в сетевых коммуникациях? Собственно, прагматические и/или аффективные. По этим направлениям и следует развитие филогенеза современного текста.

3. Импликация функций. Глагольность как противопоставление предметности, поточность и нарративность коммуникационной среды, обусловившей “лингвистический поворот” (связанный с повышенным вниманием к семантике единицы языка). “Итогом этой тенденции стало, однако, то, что была пересмотрена одна из ключевых идей, лежащих в основе лингвистического поворота, именно, что главным объектом лингвистического анализа является предложение. <...> Язык как главный объект анализа уступил место риторике с ее тропами и формами убеждения”¹⁶. Здесь кроется еще одна характеристика, отражающая причину смерти текста: “необходимо и достаточно”. Импликация говорит о снижении лингвистической избыточности, что также ведет к смерти текста, как мы его знаем.

Вначале разъяснения того, как сегодня меняется возможность существования текста в зависимости от его способности являться контентом в сетевых коммуникациях, приведем философское размышление Гейдара Джемала о контенте, как сознании общества: «Все Общество в совокупности есть сознание, данное в своей неподлинности. Мы имеем в виду, что сознание, “материализованное” в виде Общества, не свидетельствует ничего, не подразумевает ничего, но является просто самодостаточным контентом, оттиском живой духовной реальности, которая на уровне Общества непосредственно не проявляется»¹⁷.

¹³ Речь о “лингвистическом повороте”, о котором заговорили исследователи в 1920-е гг.

¹⁴ Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. М., 2000. С. 49.

¹⁵ Витгенштейн Л. Избранные работы. М., 2005. С. 351.

¹⁶ Грицкевич Н.Н. Понятие “нарратив” в современной лингвистике. Нарратив как особая разновидность текста. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4564 (дата обращения: 14.02.2021).

¹⁷ Джемаль Г.Д. Дауд vs Джалут (Давид против Голиафа). М., 2010. С. 112.

Уже из приведенной цитаты, очевидно, что известный и широко употребляемый термин “контент” имеет коннотации, отличающие его от безликого и рафинированного понятия “субстанция”. Во-первых, контент — это проекция общественного или индивидуального сознания, во-вторых, кроме темы, объема и качества, которые, пожалуй, являются его основными атрибутами, существует характеристика, отражающая его модус. Модус контента — это отражение состояния того самого сознания, которое он представляет. (Или, в лучших традициях постмодерна: “качество отражения качества состояния”.) В настоящем, сетевое общество оперирует “прагматическим” контентом, который стал результатом того самого лингвистического поворота, о котором было сказано выше. Превращение атрибута в модус это и есть генерализация какой-либо характеристики. Способность выступать в роли сетевого контента — основная витальная, а потому генерализованная характеристика текста. Текста, в самом широком его понимании, и главная причина его смерти в классическом понимании, текста — как информационной системы.

Причину такого положения вещей в данном случае указать невозможно. Но можно заметить, что информация, объединенная в систему, обладает внутренней непротиворечивостью и может быть подвергнута оценке как истинная или ложная. К сетевой информации такие характеристики применимы лишь с оговорками. Возможно поэтому ей удастся роль триггера — некритично воспринимаемых сообщений, возможно поэтому борьба с “фейками” так актуальна и так неуспешна.

Современная трансформация роли и качества текста в общественном сетевом дискурсе была подготовлена историческими процессами первых двух десятилетий прошлого века. Перемещение народов, освобождение многих государств от традиционных устоев, научно-технический прогресс. Эти явления запустили процессы интенсификации межкультурных коммуникаций, приведших к всему спектру глобализационных процессов, в том числе, к появлению самого интернета. Новые возможности вызвали к жизни новые правила. Традиционные тексты, особенно в своей способности фиксировать социальный опыт, утратили прежнее значение. Наиболее существенными характеристиками современной коммуникативной среды — “могильщиками” текста, стали полигональность, триггерность, контентность. Наблюдаемые трансформации в области текстовой деятельности помимо очевидных угроз несут, пожалуй, основания для качественного преобразования общественного сознания и способов организации мышления в человеческом сообществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. М., 2000.

Витгенштейн Л. Избранные работы. М., 2005.

Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Прimitив. Ребенок. М., 1993.

Голикова Т.А. Основные тенденции формирования современной русской политической картины мира // *Международный научный журнал “Язык и текст”*. 2019. Т. 6. № 3.

Грицкевич Н.Н. Понятие “нарратив” в современной лингвистике. Нарратив как особая разновидность текста. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4564 (дата обращения: 14.02.2021).

Джемаль Г.Д. Дауд vs Джалут (Давид против Голиафа). М., 2010.

Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980.

Мамедов А.К., Писарева Л.К. Метаморфозы цифрового общества: трудности роста и риски // *Социология*. 2020. № 3.

Психологический словарь сайта azps.ru. URL: <http://azps.ru/handbook/cmmn/relizer.html> (дата обращения: 15.02.21).

Семенов В., Исаков А. Философское творчество: между Сциллой традиции и Харибдой авангарда // *Вопросы философии*. 2004. № 4.

Терентьева И.Н. Сетевые коммуникации: новая реальность управления // *Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева “Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии”*. 2016. № 4.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

REFERENCES

Boucher G. The charmed circle of ideology: a critique of Laclau and Mouffe, Butler and Žižek. N.Y., 2009.

Critical Art Ensemble. The Electronic Disturbance. N.Y., 1994.

Dridze T.M. Jazyk i social'naja psihologija [Language and Social psychology]. М., 1980 (in Russian).

Dzhemal' G.D. Daud vs Dzhalut (David protiv Goliafa) [Daoud vs Jalut (David vs Goliath)]. М., 2010 (in Russian).

Golikova T.A. Osnovnye tendencii formirovanija sovremennoj russkoj politicheskoj kartiny mira [The main trends in the formation of the modern Russian political picture of the world] // *Mezhdunarodniy nauchnij zhurnal “Jazyk i tekst”*. 2019. Т. 6. N 3 (in Russian).

Grickevich N.N. Ponjatie “narrative” v sovremennoj lingvistike. Narrativ kak osobaja raznovidnost' teksta [The concept of “narrative” in modern linguistics. Narrative as a special kind of text]. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=4564 (accessed: 14.02.2021) (in Russian).

Korkiya E.D., Mamedov A.K., Vasiliev A.V. The problem of truth in social knowledge: the modern discourse // *EurAsian Journal of BioSciences*. 2020. Т. 14. N 2. P. 5103–5108.

Mamedov A.K., Pisareva L.K. Metamorfozy cifrovogo obshhestva: trudnosti rosta i riski [Metamorphoses of digital society: difficulties of growth and risks] // *Sociologija*. 2020. N 3 (in Russian).

Psychological dictionary. URL: <http://azps.ru/handbook/cmmn/relizer.html> (accessed: 15.02.21).

Semenkov V., Isakov A. Filosofskoe tvorcestvo: mezhdu Scilloj tradicii i Haribdoj avangarda [Philosophical creativity: between the Scylla of tradition and the Charybdis of the avant-garde] // *Voprosy filosofii*. 2004. N 4 (in Russian).

Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of Political Discourse]. M., 2004 (in Russian).

Terent'eva I.N. Setevye kommunikacii: novaja real'nost' upravlenija [Network communications: a new reality of management] // *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva* "Upravlenie v social'nyh sistemah. Kommunikativnye tehnologii". 2016. N 4 (in Russian).

Vaclavik P., Bivin D., Dzhekson D. Pragmatika chelovecheskih kommunikacij [Pragmatics of human communications]. M., 2000 (in Russian).

Vitgenshtejn L. Izbrannye raboty [Selected works]. M., 2005 (in Russian).

Vygotskij L.S., Lurija A.R. Jetjudy po istorii povedenija: Obez'jana. Primitiv. Rebenok [Etudes on the history of behavior: The Monkey. Primitive. Child.]. M., 1993 (in Russian).